

Сенка дует - 1995 -
10-16 июля - с 3

СВОЯ ИГРА

ПЕРСОНА

ПОДПОЛЬНЫЙ ГЕНЕРАТОР

Дмитрий ЗАХАРОВ принадлежит к числу людей, вокруг которых всегда ломаются колья. Это удивительно при его тихом, "кабинетном" имидже: он вызывает либо пылкую любовь, либо немотивированную неприязнь. Дело скорей всего в том, что Захаров носит себя, как опознавательный знак. Он настолько не боится быть собой, что это смахивает уже на демонстрацию: мрачное обаяние типичного интеллектуала-мизантропа, усталого всезнания, глубокого разочарования в истории, на материале которой он делает, пожалуй, самую нестандартную программу РТР – "Реку времени". История представит у Захарова гигантским театром абсурда, на котором он, кстати, помешан! Все помнят, что начинал он во "Взгляде" – самой громкой перестроечной телепрограмме. После распада "Взгляда", упершегося в тупик, он остался наиболее собой: автор и ведущий "ВЕДИ", вззирающий на политические реалии современности с тем же ироническим стоицизмом, с каким Сенека взирал на упадок Рима.

– Ты ушел из "Останкино"?

– Это совпало с гибелью Влада. Он был единственным из "взглядовцев", с кем я дружил, и единственным человеком в "Останкино", к кому мог зайти и поговорить на какие-то темы, кроме профессиональных. "Останкино" не давало мне на "Веди" ни копейки – я делал программу фактически на свои деньги. Ее загоняли в самое поганое эфирное время, но сила инерции была такова, что я продолжал выходить на первом канале, пока не закрыл "Веди" и не ушел на РТР. Лысенко долго звал меня к себе и дозволялся.

– Ты штатно работаешь на РТР?

– Зачем? Я член союза журналистов, и этим мой общественный статус исчерпывается. Я свободный российский безработный со своей небольшой командой, набранной главным образом в университеты: тридцать человек, и мы называемся "Студия". "Автомиг", "Реку", "От винта" и массу других. Два года назад мы придумали передачу "добра". Самая отвязанная и в каком-то жесткая игра. Ее вел наш негр Антон Зай-гронный потомок кого-то из африканских принцев – и Лена Шмелева из "Автомига", маленькая серьезная девушка. Вышел первый пакет передач, а на съемках второго три камеры из пяти дали черное изображение. Полсотни миллионов вылетели в трубу, больше денег не было, и игра погибла.

– Тебе здорово влетало от критики за эту игру?

– Да, "Известия" писали о ее жестокости. Это не лишено оснований: театр абсурда есть театр абсурда. Мы открыто издевались над играющими. Но, во-первых, я не понимаю, с какой стати ведущий должен любить игрока. Напротив, он старается всячески его утешить. Сама обстановка игры у нас велась некоторой жути: как, например, доктор Пыткин, осматривающий игроков перед соревнованиями. Гигант в кровавленном халате. Он говорит: вам надо принять таблетку. Какую таблетку, в ужасе спрашивает игрок? "Я здесь задаю вопросы!" – кричит Пыткин. – Скажите "Мама"! "Мама", – говорит игрок. "Поздно маму звать", – резюмирует Пыткин. Или, например, такая шулка: бассейн, на дне его стоит баночка с монеткой, дающей право выехать в круиз. Расфуфренные и накрашенные женщины прыгают в бассейн и ныряют, визжа, толкаясь, во всей одежде и косметике. Была дуэль – участники игры в балетных пачках под звуки классической музыки дрались венниками, обороняясь вместо щитов кастрюльными крышками. В общем, это было довольно зло и весело – время для таких игр у нас, боюсь, еще не пришло.

– Вернемся к академической, строгой "Реке": ты сам накапливаешь все эти факты?

– Идея "Реки" появилась позже: я сначала заду- мал передачу "Кто есть кто" и с кем-то из коллег поделился ее замыслом. Он заключался в том, чтобы расписать триста шестьдесят пять дней – на каждый день по выдающейся личности. Интересней говорить о ком-то одном и конкретном: пятнадцать минут не- тривиальной информации. Скажем, о Брюллове я

рассказал бы, обходясь без искусствоведческих эс- курсов: вспомнил бы, скажем, как Николай I опоздал на четверть часа к нему на сеанс, и Брюллов отка- зался писать его портрет: так с художником не обра- щаются... Эту идею я выдал, и вскоре передача "Кто есть кто" в самом деле появилась на телевидении. Но я не в претензии: как говорил Тимофеев-Рессов- ский – слава Богу, что генерируемые мною идеи ко- го-то могут заинтересовать, у самого бы сроду руки не дошли реализовать все. А роспись года по датам рождения великих людей у меня осталась – она и легла в основу "Реки". Разумеется, информацию под- бираю не я один – работают пять редакторов. Мы снимаем еженедельно пакет из семи программ.

– И кто же, интересно, родился в день твоего ро- ждения – тридцатого января? Себя ты, кстати, не упо- мянул.

– Насколько я помню, Геринг.

– Не отсюда ли твой почти болезненный интерес к теме фашизма?

– Интерес к войне у меня с тех пор, как я впер- вые узнал истинные масштабы советской лжи на эту тему. В 81-м году мне попала книга "Милитаризм, цифры и факты". С тех пор я этого сборника не ви- дел. Там я впервые прочел об истинных размерах на- ших потерь: не двадцать семь, а сорок шесть милли- онов. Немцы потеряли на нашем фронте два миллио- на семьсот тысяч человек за всю войну. Такие дела. И потом, если нетривиально подходить к истории – для любителей абсурда фашизм предоставляет по- трясающий материал. Взять хоть "Застольные бесе- ды Гитлера", недавно изданные у нас, его идею со- хранить на оккупированных территориях советы на- родных депутатов – он считал это оптимальной фор- мой диктаторского правления... Его рассуждения о рыбе – так, за обедом...

– Ты веришь в историческую справедливость? В суд истории, например?

– История – цепь аналогий. Гениально сказал Ре- марк: я родился в эпоху газовых ламп, юность моя пришлось на расцвет авиации, но за все это время человечество не сделало в нравственном отношении ни одного шага вперед. Нравственного прогресса в истории я не наблюдаю – наблюдаю технические усовершенствования в уничтожении людей. Все идет по кругу. Аналогии поразительны, они на каждом ша-

гу: в июне сорок первого Сталин на две недели ис- чез неизвестно куда, а после Победы отправил Жуко- ва в опалу. Иван Грозный после нашествия Давлет-Ги- рея бежал из Москвы в Серпухов, оттуда – в Алексан- дровскую слободу и в Новгород, где пил с боярами. Хана побеждал Воротынский – отобрал у него все, вплоть до реалий ханской власти. Через полгода Грозный казнил Воротынского: голову высоко дерет, сказал он. Все психопаты стереотипны, а они в исто- рии преобладают. Есть что-то циничное, но точное определение: убивший одного – убийца, убивший миллион – великий диктатор. Вот и вся историческая справедливость.

– Ты как-то следишь за метаморфозами нынеш- ней власти?

– Еще когда "взглядовцы" разъезжали по стране с вечерами встреч, зрители часто спрашивали, кто мне больше нравится – Ельцин или Горбачев. Я тогда отвечал: вы предлагаете мне выбрать между двумя пулеметами, зеленым и розовым. Если перекрасить пулемет в розовый цвет, он не начнет стрелять конфе- тами. К этому добавить сегодня нечего.

– Для меня было полной неожиданностью, что сериал "У носорога", шедший по ТВ-6 летом прошло- го года, делал ты с Сергеем Чичаевым. Тоже доволь- но отвязанная пивная программа...

– Но прежде всего комфортная. Ощущение уюта очень важно для телезрителя: это был пивной клуб, который мы придумали в рамках рекламной компа- нии "Фессера". "Фессер" спонсировал первые четы- ре выпуска, потом дело заглохло, но мы успели пред- ставить основных типажей. Там блестяще работал покойный Валерий Носик – он играл завсегдатя ка- бачка, сатану-неудачника, который скупает души и всегда переплачивает. Был политик, которого проро- чески поили пивом за скандал в заведении. Он по- ил всех за счет бармена и сулил артезианские ко- лодцы пива. Был бюргер в прекрасном исполнении Виктора Павлова. Был джентльмен – Аристарх Лива- нов. Появился даже театральный режиссер – заме- чательный Евгений Стеблов: это было очень актуаль- но в эпоху театральных расколов и таганского скан- дала. Режиссера этого вытеснили из театра "аван- гардисты", осовременивающие классику: они, на- пример, поставили спектакль "Собачья мать" – по "Собачьему сердцу" Булгакова и "Матери" Горького, где Шариков – оказывался сыном Ниловны. По-моему, довольно точная пародия на тогдашний репертуар. В общем, мы хорошо оттягивались.

– Но твоего имени не было в титрах!

– Было. Дмитрий Вениаминович. Я не хотел све- титься после "Абракадабры", за которую успел на- получить ярлыков. А в компьютерной программе "От винта", которую тоже делают наши ребята, я высту- паю в качестве координатора, и в титрах меня назы- вают Дмитрий Ленин.

– Ты намерен вернуться к сериалам?

– Есть одна идея... Вообще самая большая наша мечта – сделать нормальный телеспектакль по кому- то из классиков абсурдной драмы. По Беккету или Ионеско.

– Ты богат?

– Я не умею воровать, не умею торговать... Я мо- гу заработать только головой и руками, потому что кроме генерирования телевизионных идей профес- сионально ничем не занимаюсь. Одно время делал рекламу ("Инкомбанк", например), – надоело. Я – средний класс.

– Ты пьешь, куришь?

– С 1 января 1981-го по 1 января 1986 года я на пари не брал в рот спиртного и не курил. Сейчас опять не курю, пью пиво и легкое французское вино.

– Как ты себе представляешь свою аудиторию?

– Две категории: люди старшего поколения и те, кому под тридцать. Что интересно, на наши переда- чи практически не приходят письма от шизофрени- ков. Это главный показатель.

Дмитрий БЫКОВ.